

Александр Горохов

Войти дважды

Часть 6

Александр Горохов

Войти дважды. часть 6

<https://litres.ru/74663882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Расследуя валютные махинации в Минвнешторге, герои книги выявляет хищения на верфях греческого острова Сирос и вскрывает преступную сеть замминистра Ковальчука. Параллельно Николай спасает свою греческую семью от мафии «Павлоградца»: ликвидировав вымогателей, герои легализуют передачу активов банды на имя Марии и покупают дом для Павла и Ирины в Афинах. Инвестиции в акции Apple гарантируют им безбедное будущее.

После смерти Брежнева и прихода Андропова полковник Николаев, Павел и Ирина переводятся в научно-техническую разведку во Францию. В Париже на аристократическом приеме Ирина выуживает у пьяного шефа DST имя величайшего «крота» десятилетия — аналитика КГБ Владимира Ветрова («Farewell»), сдавшего всю резидентуру. Срочная шифровка в Москву позволяет изолировать предателя. Чтобы уйти от слежки, tandem симулирует рецидив «болезни» Павла и через Азию возвращается на базу в Грецию.

Александр Горохов

Войти дважды. часть 6

1

Очередное раскрытие воровства во Внешторге не принесло удовлетворения. На душе у Павла и Ирины было тоскливо. День не располагал к веселью. Была годовщина Николаю Николаевичу.

Их генералы ушли почти одновременно. Сначала Константин Дмитриевич, через три месяца после него — генерал-лейтенант. Каждому было немногим за семьдесят. У обоих за плечами тяжелая война, ранения, контузии, госпиталя. Константин Дмитриевич готовил на свое место Федю, Николай Николаевич — Николая. Но, как часто бывает, пошло не так. Федю направили в город-миллионник начальником областного управления. Федор, хотя и поехал, но сделал это без восторга. Должность была генеральская, но душа у Феди лежала к внешней разведке. Николая оставили на прежнем месте. Сказали, что это сейчас на острие политики и нельзя менять руководство группы. Николай не рвался в генералы и не хотел бросать своих ребят. Тем более понимал, какие подводные силы ему препятствовали и тащили вверх «своих» при всей показной борьбе с кумовством, начатой Андроповым.

Павлу и Ирине он сказал, что так ему спокойнее, что ему

не по душе вся эта карьерная возня. А Павла с Ириной никто и не спрашивал, ничего и не предлагал. Они просто грустили о потере своих начальников и друзей. С новым руководством знакомство заводить и не захотели. Там, наверху, была большая чехарда. Одних переводили в МВД, других — руководить в области. В общем, все шло, как и положено при смене руководства.

В конце рабочего дня Павел предложил съездить к генералам, а потом помянуть их. Поехали на Кунцевское кладбище. Могилы были почти рядом. Положили цветы, помянули. Стоял тихий осенний вечер бабьего лета начала восьмидесятых.

Они шли по безлюдной аллее.

— Как я люблю такие тихие вечера. Мне не придется лежать здесь рядом с ними. Не по чину будет. Мое место, если ничего такого не случится, на Ваганьковском, — вроде как пошутил Николай.

— Вечера, конечно, тихие, а вот расследования по всей стране громкие, — грустно пошутил Павел.

Николай не ответил. Легкий ветерок сметал листья в укромные уголки.

Ирина показала на них:

— Вот так и люди в такие времена стараются забиться в уголок, отсидеться, чтобы не попасть под горячую руку и не сгинуть.

— Как говорил Конфуций? — спросил жену Павел и сам

же ответил: — «Если в вашем государстве правители теряют рассудок, а общество погружается в хаос, лучше уехать туда, где закон и порядок еще сохраняются». А еще он говорил, что в смутные времена государственная служба становится смертельно опасной.

Николай взглянул на Павла:

— Паша, что-то давно я не слышал твоих аналитических выкладок. Когда-то ты очень точно объяснял, что будет и чем сердце успокоится. Судя по вашим намекам, у тебя есть что сказать. Объясни, дружище, где и какую соломку пора подстелить?

— Дядя Коля, дорогой мой товарищ полковник! Особо порадовать тебя мне нечем.

— Ну, скажи хотя бы, когда мы победим в Афгане?

— Николай, ты же знаешь, что в Афгане мы воюем не с моджахедами, а с америкосами. Они нас крепко на этом поймали. Не победим мы там. Только зря кладем своих парней и тратим огромные деньги. А уйдем оттуда лет через семь. По моим прикидкам, не раньше. Скорее всего, в восемьдесят восьмом или восемьдесят девятом году.

Николай присвистнул:

— А что будет в ближайший год?

— Могу обрадовать. Не пройдет и нескольких месяцев, как наш Председатель станет Генсеком.

— Что, смерть вырвет из рядов дорогого товарища Брежнева? — съязвил Николай.

— Вырвет, а потом, лет через десять, рухнет и вся страна. Естественно, и наша контора тоже.

— Ну и прогнозы у тебя, малыш!

Павел пожал плечами.

— Хорошо, Коля, что ты сам заговорил об этом. Ты же видишь, как растаскивают страну те, кто должен делать прямо противоположное. Извини за канцелярский язык. Но тут не до словесных премудростей.

— Но ведь Андропов основательно их прижимает.

Николай остановился посреди аллеи, достал из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой. Огонек выхватил из сумрака резко обозначившиеся морщины. Он затаился, глядя поверх надгробий.

— Ты, Паша, замахиваешься — на десять лет вперед, — тихо сказал Николай, выпуская сизый дым. — А по годам разложи. Кто эту кашу варить будет и кто потом расхлебывать? Мы же с вами не с абстрактной «гидрой» боремся, у каждой головы имя есть. Вот сейчас у руля Юрий Владимирович. Он систему как свои пять пальцев знает. Неужели кадры подкачают?

Павел вздохнул, наступив на сухой кленовый лист, который громко хрустнул.

— Кадры, дядя Коля, как раз и станут главной проблемой. Юрий Владимирович — мужик железный, спору нет. Сейчас он закручивает гайки, ловит прогульщиков в кинотеатрах, трясет торговую мафию. Полетят головы. Скоро доберутся

до Щёлокова из МВД и Медунова из Краснодара. Это легко просчитывается. Андропов поднимет наверх тех, кого считает «чистыми». Во главе КГБ поставит, скорее всего, Чебрикова, которому полностью доверяет. Из ЦК почти наверняка подтянет Лигачёва, Рыжкова.

Павел сплюнул, раздавил еще один сухой лист:

— Ну и, конечно, своего любимчика со Ставрополя — Михаила Сергеевича.

— Горбачёва, что ли? — прищурился Николай. — Ну, этот молодой, энергичный. Сельское хозяйство пытается сдвинуть вперед. И что с ним не так?

— Всем хорош, — грустно усмехнулся Павел. — Говорит красиво, без бумажки, заслушаешься. Ну, просто соловей весной. Не то что кремлёвские старцы. Вот только за красивыми словами у него нуль! Пустота. Андропов думает, что воспитывает преемника-реформатора, а вырастит могильщика. Но Юрий Владимирович этого уже не увидит. Откажут почки. Год, максимум полтора — и его не станет.

— А дальше кто? — спросил Николай.

— А дальше старая гвардия не может не попытаться отыграть всё назад, — ответил Павел. — А кто у них есть? Никого! Разве что вытащат из ЦК Черненко, Константина Устиновича. Больше некого. Они же там тоже грызутся друг с другом. Их же не судьба страны волнует, а чтобы быть поближе к кормушке. Чтобы чавкать и никто не мешал. По моим прикидкам, Черненко — самая удобная компромиссная фигура.

ра. Но ты же сам видишь. Для этого не нужно быть великим аналитиком, — что он уже сейчас еле дышит. То ли отравили его соратники, то ли еще чего, но за ним носят кислородную подушку. А когда приведут, а можно сказать, принесут к власти, это будет даже не фарс, а агония. Если бедняга доживет, то продержится у власти максимум год — и снова лафет покатит по Красной площади, а потом Колонный зал, похороны. И чтобы прекратить эту трагикомедию, в восемьдесят пятом к власти приведут Мишу Горбачёва. Это тоже легко просчитывается — он там самый молодой. И начнется великая эпоха болтологии. Я все про него поднял. Миша — это никто. Ни компетенции, ни аналитических способностей. Ему бы самое место рулить колхозом. И не более. Но с огромными амбициями. Особенно у его мудрой женушки.

Николай покачал головой, бросил окурок, посмотрел в глаза Павлу:

— Ну ладно, придёт Горбачёв. Объявит какую-нибудь «модернизацию или реконструкцию». А нам-то в Комитете что делать? Контора всегда была стержнем государства. Придёт Крючков, Владимир Александрович, из ПГУ, он мужик умный, аналитик. Поправит. Неужели мы не переиграем внутрипартийных интриганов?

— Крючков, увы, исполнитель, дядя Коля, — отрезал Павел. — Великий исполнитель. Горбачёв объявит какую-нибудь «целину», как Хрущёв, или перестройку экономики. И под этот шумок из щелей полезет такое, что ни Пятое управ-

ление, ни какое-либо другое не сможет удержать. наших людей начнут сдавать за рубежом. Туда побегут все, у кого там есть деньги. И те, кого мы тут не успеем посадить, и те, чьи счета уже там. Перебежчиков станут не единицы, как сейчас, а десятки. Чует моё сердце, Гордиевский, гаденыш, сдаст всю лондонскую резидентуру. А внутри страны под лозунгами демократии поднимется третья сила.

— Какая ещё третья сила? — Николай даже остановился.

— Обиженные партократы, — пояснил Павел. — Это же понятно. В Москве сейчас набирает силу один уральский деятель — Ельцин, Борис Николаевич. Горбачёв сначала потянет его наверх, в МГК КПСС, чтобы подсидеть старые брежневские кадры вроде Гришина. Использует, а потом справиться с ним не сможет. Я вижу этого Ельцина. Этот быстро поймет, что на популизме и критике привилегий можно въехать напрямиком в Кремль.

Николай взял Павла за руку:

— Паша, твои рассуждения о комитете мне непонятны, но ладно. Но ведь есть еще армия? Там не старики, но из старой гвардии толковые мужики. Язов, Соколов?

— Горбачёв не умный, но хитрый, да и окружение у него будет хитрое. Эти подставят армию первой, — тихо ответила Ирина, словно заглянув в будущее.

Павел кивнул:

— Когда в стране начнутся столкновения, а они обязательно начнутся, причём, как обычно, местные подстрека-

тели и сепаратисты станут разыгрывать национальную карту. Это проще всего и надежнее всего. Хитрый Горбач пошлёт подавлять волнения в республиках именно армию и наших из комитета. Везде военные и КГБ, естественно, начнут жестко наводить порядок с местными сепаратистами, а как только прольется первая кровь, а она не может не пролиться в этом случае, этот хитрый Горби, я уверен, изучив его манеру и характер, сделает удивленные глаза и скажет: «Я приказов не отдавал, это все инициатива на местах». И КГБ будет молчать, и Армия будет что-то бляеть, будто не офицеры и генералы, и не воевали, а в тылу отсиживались. Не смогут поставить этого хитрована на место. Отвыкли принимать самостоятельно решения. Вот и спустят в унитаз авторитет армии и нашего комитета.

Они дошли до ворот кладбища. Железная створка скрипнула под порывом ветра. На стоянке одиноко темнела служебная «Волга» Николая.

— Тошно тебя слушать, Пашка, — глухо произнёс Николай, открывая водительскую дверь. — Мы — КГБ СССР, щит и меч. Если Крючков, Язов, Пуго из МВД увидят, что страна летит в пропасть, они же не должны сидеть сложа руки? Должен же быть у них план на экстренный случай? Какой-нибудь комитет по чрезвычайному положению...

Павел горько усмехнулся и сел на переднее сиденье. Ирина устроилась сзади.

— Как в воду глядишь! Точно будут и план, и комитет. Да

только воли не хватит. Привыкли за долгую службу именно служить, а не руководить. И... облажаются, извини за выражение. А Ельцин под этот шум захватит власть, и на этом советская власть закончится.

Николай завел мотор. Двигатель заурчал, но полковник не тронулся с места. Руки его крепко сжимали руль.

— И что, нашу Лубянку разгонят? — тихо спросил он, глядя в лобовое стекло на тёмное шоссе.

— Разгонят, — подтвердил Павел. — Для начала по традиции, как в 1917 году, памятники поносят или еще чего такое учудят, чтобы у народа пар вышел. Но этого я точно не скажу. Это просто мое предположение. Так сказать, фантазия. Кого эти новые Ельцин и его компания поставят во главе КГБ, не знаю, скорее всего, не профессионала. Поставят специально, чтобы он разрушил систему до основания.

Николай включил передачу. Машина плавно тронулась с места.

— Скажи, Пашенька, а нам-то куда податься? Как считаешь? Бежать из Комитета прямо сейчас? Или немного повременить? — Николай скептически посмотрел на Пашку.

— Впереди, дядя Коля, еще десять лет. За это время можно успеть подстелить целую тонну соломы, — засмеялся Павел, обнял Николая и помолчал, думая, говорить или нет, но все же спросил: — А как твои в Греции?

Николай сделал вид, что не расслышал.

— Не мне, пацану, Коля, тебе рассказывать, что свято ме-

сто пусто не бывает. На месте КГБ появится что-то другое. Скорее всего, в урезанном виде, но обязательно появится. Профессионалы всегда нужны. Органы перетряхнут, всех, кто против, — выгонят, это точно. Но государству без спецслужб не выжить. А вдобавок и у тебя, и у нас — мощнейшие профессии, образование, вдобавок к нашему, еще и западное. Да и опыт колоссальный. Ты заработаешь миллионы на раз-два. Нас с Ириной возьмешь в помощники?

— А то!

— Вот что я тебе скажу: всё, с чем мы боролись во Внешторге и продолжаем бороться: частная собственность, валюта и т. п. — наверняка станет законным. Ты же видишь, что жадность чиновников не могут остановить даже расстрельные статьи. Когда эти доберутся до власти, первое, что они сделают, — примут законы в свою пользу. Все, на чем эти воришки зарабатывают гроши в виде откатов, станут зарабатывать миллионы. Десятки миллионов.

— Капитализм... мать его, — Николай покачал головой, перестраиваясь на Кутузовский проспект. — Я так думаю, за такое начнут не подсиживать, как нынешние чиновники друг друга, а отстреливать. Так что до этого капитализма еще дожить надо. Ладно, родные мои, славно поговорили. Перспективы грандиозные, а на душе мерзко. Приехали. Идите домой, мои любимые провидцы. И я поеду... переваривать.

Он было тронулся, но остановил машину, выглянул и тихонько прошептал цитату из Чехова:

— А в Греции все, ребяташки, есть!

— А в конторе-то знают?

— Генералы знали. Константин Дмитриевич сказал, чтобы никому не смел рассказывать! Ни при каких обстоятельствах.

Те засмеялись:

— Очень за это рады! Вот кто мудрые были на самом деле.

— Это точно. Царствие им небесное.

«Волга» рванула с места и растворилась в темноте, увозя их начальника по службе и друга по жизни, полковника КГБ в его беспокойную бессонную ночь.

2

На следующий день работа началась как обычно. Но, должно быть, по очереди на проверке оказались контракты с Грецией на ремонт советских коммерческих и военно-вспомогательных судов.

— В первую очередь надо ехать на остров Сирос. Там на государственной верфи Neorion у нас многомиллионный контракт, — поставил задачу Николай, — и мутное дело с этим контрактом. В конце 1979 года он начал выполняться, в начале 1981 года по требованию США был приостановлен. Осенью к власти в Греции пришло социалистическое правительство, и ремонт наших судов возобновили в 1982 году. Вашингтон выразил недовольство, но грекам выгодно работать с нами. Не только по этому контракту, но и по другим.

— А почему выгодно, им что, у нас медом намазано, что они наплевали на америкосов? — спросила Ирина.

— Выполнение наших заказов обеспечивает постоянной работой каждого девятого грека.

— Ого, это очень серьезно, — согласился Павел.

А полковник продолжил:

— Кроме того, наши заказы обеспечивают полную загрузку не менее 15 % промышленных и судостроительных мощностей Греции.

— Да, дело непростое, — Ирина посмотрела на Николая. — Тут не только экономика, тут и политика.

— Вот и я о том же. Потому надо самим поехать, на месте разобраться, что к чему. Возможно, даже заключить дополнительные контракты. По крайней мере, сообщить об этом греческим властям, чтобы они не подумали, будто мы собираемся сворачивать сотрудничество.

— Насколько я помню, мы у них покупаем табак, изюм, инжир, оливковое масло, маслины и вино, — продолжил разговор Павел. — А что, если после ремонта, например, какого-нибудь сухогруза не гнать его порожняком в наши порты, а предложить привезти на нем подобную сельхозпродукцию? Думаю, это будет весьма выгодно. Отремонтировать и там же загрузить.

— Интересно. Вот всем этим и начинайте заниматься. Как подготовитесь, так и отправимся.

— Есть, товарищ полковник!

Им было понятно: не пустой разговор был после кладбища. А у Николая — еще и ночь после этого. Но план действий он придумал. Теперь надо будет начинать его реализацию.

Через десять дней они вылетели в Грецию.

3

Рейс до Афин прошёл без происшествий. В аэропорту встретила посольская машина. В тесном кабинете на втором этаже сотрудник из торгпредства разложил на столе копии контрактов и накладные, коротко пояснил: сроки горят, план по тоннажу жёсткий, а греческая сторона тянет с отчётами. «Мы сами не можем туда каждый день ездить, да и не очень я в этом судостроительном деле силен, — честно признался он. — Я в другом спец, но поставили сюда. Зачем, не пойму. Если вы посмотрите на месте, мне будет спокойнее».

Это был Виктор Андреевич Лосев. В торгпредстве числился старшим референтом по техническим поставкам, а в действительности был офицером ГРУ, прикомандированным к аппарату торгового представительства. Наши знали, что это дело в общем-то обычное: торгпредство — структура Минвнешторга, а в штате на самом деле не только и не столько торговые специалисты. Вот и полковник, хотя и старался что-то делать, но ни опыта, ни знаний толком не имел. Был здесь для контроля закупок и ремонта судов, которые проходили по линии «Судоимпорта» и касались не только гражданского флота, но и вспомогательных судов ВМФ. За-

нимался тем, что отслеживал исполнение контрактов с греческими верфями, пытался контролировать качество и сроки, проверять обоснованность смет и координировать работу приёмочных групп, но знаний для этого на самом деле у него не было. Для греков он был торговым атташе и звание своё не афишировал.

Наши сразу сообразили, что поставили его сюда именно потому, что он не специалист и поэтому не сможет контролировать и отследить, где, на чем и куда уплывают деньги. А значит, они правильно приехали и попробуют разобраться и найти воров.

Павел, не говоря всего этого Лосеву, обещал наладить и контроль, и разобраться с выполнением заказов в срок. Ответил на вопросы, у него накопившиеся. Тот понял, что приехали нормальные профессионалы. Стал увереннее. После обсуждения с Павлом и Ириной проблем, тревоживших его, проникся к ним расположением. Сказал, чтобы обращались по любым вопросам, и обещал помогать. Павлу полковник приглянулся. Он понял, что тот не замешан в хитроумных комбинациях министерских чиновников.

Переночевали в посольстве, а рано утром на своей служебной машине Лосев отвез их в порт Пирей. Там крепко пожали руки, Павел еще раз сказал полковнику, что во всем разберутся и что сделают так, как должно быть.

Утренний Пирей встретил запахом дизельного выхлопа, криками чаек и суетой портовых грузчиков. У причала на-

шли небольшой паром — обычное греческое суденышко, курсирующее по маршруту Пирей — Киклады.

Отплыли в семь утра. Паром шел неспешно — до Сироса около четырех с половиной часов. Сначала вдоль побережья Саламинского залива, потом — по открытой Эгейской акватории. В начале дня море было спокойным, но к середине пути поднялась зыбь, и корабль ощутимо закачало. Ирина, которая обычно спокойно переносила качку, на этот раз побледнела и вышла подышать на палубу. Павел принес ей стакан воды из буфета. Море впечатляло. Они представили, как тысячи лет назад древние греки ходили вдоль берегов, перевозили оливки, масло, вино, зерно. Когда замерзли, вернулись в салон.

Там было тесно: деревянные лавки, потертые кожаные сиденья, прокуренный потолок. Пахло кофе и машинным маслом. Рядом сидел пожилой грек с корзиной мандаринов, напротив — двое немецких туристов с рюкзаками размером со шкаф. Николай всю дорогу просматривал толстую папку с копиями спецификаций, делая пометки карандашом. Павел и Ирина негромко, чтобы не привлекать внимания, обсуждали позиции сметы на немецком языке.

За бортом проплывали острова — сначала Эгина, потом Порос, темные гористые силуэты на фоне жестяного неба. К полудню выглянуло солнце, и море заиграло, как на почтовых открытках. Но троим было уже не до пейзажей.

Остров встретил резким ветром и запахом рыбы. Порт

Эрмуполиса — широкая бухта, обрамленная фасадами в неаполитанском стиле, — выглядел почти торжественно, но верфь, к которой их подвезли на портовом грузовике, оказалась не столь привлекательной.

Верфь «Неорион» — одно из старейших промышленных предприятий Греции, основанное в 1861 году, — на бумаге выглядела внушительно. В реальности все было не так радужно. Стапели стояли, краны скрипели, а часть рабочих, казалось, больше следила за морем, чем занималась делом.

Их встретил технический директор верфи — сухощавый грек лет пятидесяти, представившийся Ставросом Капетанакисом, инженером с дипломом Афинского политехнического института. С ним были мастер корпуса Димитрис, бригадир сварщиков и британский консультант из фирмы «Апельдор», управлявший верфью по контракту с правительством Греции. Был ещё советский приёмщик — инженер «Судоимпорта» Алексей Петрович, который жил тут уже третий месяц; он встретил соотечественников с облегчением и надеждой, что наконец-то кому-то можно будет пожаловаться на неразбериху по-русски.

Капетанакис повёл всех вдоль стапелей, объясняясь на английском с характерным акцентом. Павел сразу начал задавать конкретные вопросы по чертежам, по графику работ, по закупочным актам. Ирина держала перед собой копию сметы и сверяла то, что видела, с тем, что было в отчетах.

Первым делом показали строящийся корпус среднего ры-

боловного траулера, заказанного через «Судоимпорт» для советского рыболовского флота. Корпус — стальной, длиной в сорок метров. В стадии готовности было примерно шестьдесят процентов. На стапеле виднелись следы сварочных работ — швы местами выглядели небрежно, с наплывами и подрезами.

Павел присел у днища, провёл рукой по шву, потом попросил Димитриса показать карту технологического процесса сварки. Тот принёс папку. Павел стал сверять тип электродов и режимы с тем, что видел перед собой.

— Вы варите четвёртым номером электродов, а по спецификации указан третий, — сказал он, не повышая голоса. — Шов получается менее плотный. Для корпусных конструкций, работающих в северных широтах, это критично — при низких температурах металл становится хрупким. Вы это знаете.

Капетанакис ответил уклончивее: дескать, электроды третьего типа были в дефиците, замена согласована с местным технадзором. Павел попросил показать согласование. Согласование нашлось, но подписано было не приёмщиком «Судоимпорта», а кем-то из местного инженерного бюро. Алексей Петрович, стоявший в стороне, тихо сказал Николаю: «Я этого не подписывал. Мне вообще не показывали».

— А самому лезть в такие дела что, знаний не хватило? — зло ответил Николай. — Чем ты тут три месяца занимался?

А Павел уже начал тыкать местных технарей носом в ан-

тикоррозийную обработку.

Ирина обратила его внимание на то, что покрытие на корпусе в некоторых местах явно тоньше проектного. По спецификации — три слоя эпоксидной грунтовки с промежуточной просушкой. На деле кое-где угадывались только два слоя, а третий был нанесен буквально поверх пыли — адгезия сомнительная. И явно никто не дожидался, пока предыдущий слой высохнет.

— Если так пойдет и дальше, через год придется переделывать половину, — тихо заметил Павел. — А это уже совсем другие деньги. Мы такое принимать не будем, уважаемые господа.

Ирина отметила, что часть работ дублировалась. Одни и те же узлы — монтаж кильсонов и установка флор — оформлялись как отдельные этапы, чтобы увеличить стоимость. В смете «предварительная сборка секции» и «установка секции на стапель» значились как две отдельные операции, хотя по факту это был один непрерывный процесс. То же самое со сваркой: «зачистка сварного шва» и «контроль качества шва» — обе строчки оплачивались отдельно, хотя выполнялись одним рабочим за один проход. Это была не ошибка — это была схема.

Ирина нашла и расхождения в смете: материалы, заявленные как импортные, — листовой стальной прокат толщиной восемь миллиметров, якобы закупленный в ФРГ у фирмы «Тиссен», — на деле были местного производства. На

складе стояли пачки с маркировкой греческого завода «Хеленик стил», но продавались они по цене выше рыночной. По немецкому прайсу. Разница примерно в тридцать процентов оседала где-то между греческим поставщиком и лицом, подписавшим контракт.

Техника простаивала. Как они тут же узнали, порталый кран простаивал второй день.

Димитрис оправдывался:

— Это происходит из-за того, что график подачи секций на стапель не согласован с графиком крановых операций.

Николай, усмехнувшись, показал их же отчет, в котором все шло «по плану».

Теплый гул из труб свидетельствовал о том, что генератор работает, но грузовая тележка крана стояла неподвижно.

— Кран цел, просто нет секций, которые нужно поднимать, — сказал бригадир сварщиков с честной простотой, не понимая, что этим признанием он расписывается в простое.

Британский консультант, молчаливый загорелый мужчина средних лет в синем комбинезоне, постоянно вытирающий лысину, пожал плечами и сказал, что график действительно срывается, но верфь в этом не виновата:

— Мы управляем производством, а не поставками. Если металл прибудет на две недели позже, мы не сможем компенсировать это магией.

Павел все записал.

После обхода стапелей Николай собрал всех в конторском

помещении верфи — длинной комнате с облупившимися жалюзи, чертежами, прикрепленными кнопками к стенам, и письменным столом, заваленным папками. Все сели: Капетанакис — напротив, Димитрис и бригадир сварщиков — по бокам, британский консультант — у окна, чуть в стороне. Павел с Ириной — по левую руку от Николая. Алексей Петрович — в углу, тихий и заметно нервничающий.

Николай говорил по-английски — спокойно, без нажима, но с такой интонацией, которая не оставляла пространства для манёвра.

— Господин Капетанакис, мы не первый день в этом бизнесе. Скажу прямо. То, что мы сегодня увидели на стапеле, не соответствует условиям контракта. Сварные швы сделаны с подрезами и наплывами, электроды заменены без согласования с приёмщиком. Антикоррозийная обработка в два слоя вместо трёх, а там, где наносили третий, он был нанесён по грязи. Если судно в таком виде выйдет в Северную Атлантику, через полтора года корпус даст течь. Вы знаете это не хуже меня.

Капетанакис молчал, глядя на стол.

— Теперь по графику. Корпус готов на шестьдесят процентов. По контракту к этому моменту готовность должна быть восемьдесят пять. Отставание почти месяц. Кран простаивает, секции не подаются, люди ждут металл, который якобы задерживается. Я не верю, что задержка только из-за поставок.

— Господин консультант, — он повернулся к британцу, — вы сказали, что не отвечаете за поставки. Но вы отвечаете за производственный график. Почему он не корректируется?

Британец пожал плечами: «Мы представляем график. Заказчик должен его утвердить. Изменения требуют согласования».

— Вот мы и согласуем. Павел, расскажи.

Павел разложил на столе распечатку производственного графика — таблицу с этапами, сроками и процентами готовности. Красным карандашом он обвел семь позиций, которые, по его расчетам, можно сдвинуть и ускорить.

— Первое. Сборка секций корпуса и установка на стпель идут как две последовательные операции с перерывом в десять дней. Это бессмысленно. Секция собирается на площадке, тут же поднимается и устанавливается. Разрыв во времени чисто бумажный. Убираем его, экономим десять дней.

Капетанакис поднял бровь, но промолчал.

— Второе. Простой крана происходит второй день. Но на площадке лежат четыре готовые секции, ждут подачи. Если кран начнет работать завтра в шесть утра, а не в девять, вы подадите все четыре за два дня. Еще три дня экономии.

— Третье. Антикоррозийная обработка. То, что нанесено сейчас, придется переделать — это не обсуждается. Но если наносить краску правильно, с промежуточной просушкой, параллельно с монтажом верхних секций, а не после, мы

не теряем времени. Обработку нижних отсеков можно вести одновременно со сборкой надстройки.

Димитрис, мастер корпуса, кивнул — он и сам так предлагал, но его не послушали.

— Четвертое. Замена электродов на третий тип, как указано в спецификации. Если их нет на складе, я хочу знать, где они и когда будут. Не «возможно, на следующей неделе», а конкретная дата.

Капетанакис наконец заговорил: «Электроды третьего типа мы заказали. Поставка — через четыре дня. Но я не могу гарантировать, что после переделки швов мы уложимся в общий срок».

— Можешь, — сказал Павел, переходя на «ты», что было нарушением протокола, но в данной ситуации сработало лучше, чем формальности. — Переделка швов — это три дня. Антикоррозийная обработка — пять. Секционная сборка без разрывов — это десять дней. Итого ты получаешь недостающие двадцать восемь дней за восемнадцать. У тебя ещё десять дней в запасе.

Капетанакис смотрел на таблицу, и на его лице медленно проступало что-то похожее на уважение или на понимание того, что эти люди считают лучше, чем его собственные специалисты.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен с предложениями по графику. Но переделка швов — это дополнительная работа. Кто будет оплачивать?

— Никто, — сказал Николай. — Это работа, которая должна была быть сделана правильно с первого раза. За неё уже заплачено. Повторно не оплатим.

Повисла пауза. Бригадир сварщиков посмотрел на Капетакиса, потом отвёл глаза.

— Теперь, — Николай повернулся к Алексею Петровичу, — поговорим с вами.

Алексей Петрович был мягким человеком лет пятидесяти пяти с виноватым выражением лица. Инженер знающий, но не умеющий настаивать. За три месяца на Сиросе он подписал акты приёмки двенадцати этапов работ, ни разу не выйдя на стапель с рулеткой. Греки его особо и не звали — сообщали о готовности этапа по телефону, присылали акт, и он его подписывал. Но это не оправдание, и все в комнате это понимали.

— Алексей Петрович, — негромко сказал Николай по-русски, — вы здесь уже три месяца. За это время принято двенадцать этапов. Вы можете мне сказать, сколько из них вы проверяли лично?

Молчание.

— Я спрашиваю.

— Два... может быть, три, — выдавил Алексей Петрович.

— Два или три из двенадцати. А остальные — по бумагам?

— Мне говорили, что всё готово. Присылали акты. Я...

— Вам говорили. Алексей Петрович, вы — инженер «Су-

доимпорта». Приёмщик. Единственный человек на этой верфи, который от имени советской стороны решает, выполняется работа или нет. Если не вы проверяете, то кто проверяет? Капетанакис? Он сам у себя проверяет?

Алексей Петрович молчал, краснея.

— Вот что я вам скажу. С сегодняшнего дня выходите на стапель каждое утро. Вместе с Димитрисом. Каждый шов, каждое покрытие, каждый узел — проверяйте лично, с помощью инструментов, сверяясь с чертежом. Если есть отклонения — фиксируйте в рабочем журнале, ставьте дату и подпись. Никаких подписаний актов по телефону. Понятно?

— Да, — тихо ответил Алексей Петрович.

— И ещё. Вы знали о замене электродов?

— Мне говорили, что замена согласована.

— Кем?

— Я не помню... кто-то из инженерного бюро.

— Вы не помните, кто согласовал замену материалов на объекте, за который вы отвечаете? Запомните одно: с этого момента ничто не меняется, ничто не согласуется без вашей подписи. Если не уверены — не подписывайте. Лучше задержать акт на два дня, чем подписать брак. Это ваша работа. Если не можете её делать — я найду того, кто сможет. Вопросы?

Вопросов не было. Алексей Петрович сел, глядя в пол. Павел, который относился к нему без злости — понимал, что человек просто не справлялся с давлением, — положил ему

руку на плечо, когда выходили из комнаты.

Алексей Петрович догнал его и тихо начал говорить:

— Понимаете, мне в министерстве, когда отправляли сюда, сказали, что главное — это чтобы побыстрее все сделали и отправили судно в море на промысел. И чтобы я особо не выступал перед подрядчиками. Вот я особо и не лез.

— А кто именно вам такое говорил? — спросил его Павел. Тот назвал.

— Понятно. С этого дня вы будете выполнять приемку по всем требованиям согласно контракту. А то получается, что и сроки нарушаются, и качества никакого нет. Вам ясно?

Алексей Петрович кивнул, сказал, что теперь у него развязаны руки и что он так и станет делать.

Пока Николай и Павел работали с греками, Ирина сидела в конторке верфи с двумя коробками документов — счетами, накладными, актами выполненных работ, платежными ведомостями, таможенными декларациями. Она попросила у Капетанакиса все, что касалось финансовой стороны контракта, и тот, еще не зная, к чему это приведет, распорядился принести.

Ирина работала методично — так, как ее учили в МГИМО, как выполняла подобные работы, только с медицинскими препаратами и оборудованием в ФРГ, как совсем недавно объяснял Николай. Сначала она сверила накладные с позициями спецификации. Потом — цены по накладным с ценами по контракту. Потом — объемы по актам с объемами

по фактическим замерам, которые Павел зафиксировал на стапеле.

К вечеру у нее сложилась картина.

Она вызвала Николая и Павла из таверны, где они уже собирались ужинать, и показала им четыре листа, исписанные цифрами и расчетами.

Перерасход средств составил примерно на восемнадцать процентов больше контрактной стоимости. Но это была не просто приписка — это была система, и Ирина разложила ее по полочкам.

Согласно актам выполненных работ, было установлено шестнадцать флор — поперечных ребер жесткости днища. По факту на стапеле их было одиннадцать. Пять несуществующих флор были «установлены» только на бумаге и оплачены. То же самое с продольным набором: по акту — двадцать четыре стрингера, по факту — девятнадцать. Разница — пять стрингеров, каждый из которых по контракту стоил около тысячи двухсот драхм за погонный метр. По отдельности небольшие суммы, но в сумме — немало.

Сварка швов корпуса оформлялась дважды: один раз как «сварочные работы по монтажу секций», второй — как «сварочные работы по герметизации швов». Одна и та же операция — сварной шов монтажного стыка герметичен по определению. Но в актах она проходила под двумя названиями, и за обе платили.

Листовой прокат, трубные секции, профильный металл —

все это значилось как закупленное в ФРГ у фирмы «Тиссен». Накладные были немецкие, с печатями. Но Ирина обратила внимание на номера партий и даты. В нескольких накладных были одинаковые номера партий металла, но разные даты поставки. Одна и та же партия была продана дважды — один раз «по-настоящему», второй — на бумаге. Настоящий металл лежал на складе с маркировкой греческого завода «Хеленик стил». Разница в цене между немецким и греческим прокатом — около тридцати процентов. И эта разница, умноженная на десятки тонн, составляла серьёзную сумму.

Дни простоя крана и простоя бригады оформлялись как «подготовительные работы» и «технологические перерывы». По контракту за простой не платили, но за «подготовительные работы» — платили. Формально законно, по сути — приписка.

Ирина подвела итог: за полгода с момента подписания контракта перерасход составил примерно сорок семь тысяч драхм. Значительная часть этого перерасхода была не ошибкой, не небрежностью, а целенаправленным выписыванием денег за неделанную работу.

Утром следующего дня Николай и Павел снова сидели в конторе верфи. Капетанакис был один. Британский консультант не пришёл, сославшись на дела. Алексей Петрович сидел в углу, бледный и тихий.

Николай разложил на столе перед Капетанакисом четыре листа, написанные Ириной, и рядом положил копии наклад-

ных, которые она пометила красным.

— Господин Капетанакис, вчера мы говорили о качестве работ и о графике. Теперь поговорим о другом. О деньгах.

Капетанакис посмотрел на бумаги. Лицо его не изменилось, но пальцы, лежавшие на столе, чуть дрогнули.

— Вот, — Николай ткнул пальцем в первую страницу. — Шестнадцать флоров. На стапеле — одиннадцать. Где ещё пять?

Тишина.

— Вот. Двадцать четыре стрингера. По факту — девятнадцать. Где ещё пять?

Капетанакис молчал.

— Вот сварка швов — дважды. Монтаж и герметизация. Одна операция — две оплаты. Вы не знали?

— Это... стандартная практика, — наконец сказал Капетанакис. Голос был ровным, но чуть более приглушенным, чем обычно. — В греческой сметной номенклатуре эти операции различаются.

— Не различаются, — сказал Павел. — Я инженер. Монтажный стык секции — это сварной шов. Герметизация того же стыка — это та же операция. Нельзя заварить шов дважды. Его либо заваривают, либо нет.

Капетанакис не ответил.

— А вот это, — Николай указал на накладные. — Металл из ФРГ, фирма «Тиссен». Накладные — немецкие, печати — немецкие. Но номера партий дублируются. Партия № 741

— от 15.03 и от 02.04. Одна и та же партия, две даты. И на складе лежит металл с маркировкой «Хеленик стил». Вы хотите объяснить, как немецкий металл на полпути превращается в греческий?

Капетанакис облизнул губы. Молчание длилось долго — может быть, полминуты, но в этой комнате оно казалось вечностью.

— Господин Капетанакис, — сказал Николай, и голос его стал другим — не жёстким, но тяжёлым. — Я не прокурор и не судья. Я советский офицер, который приехал проверить, за что его страна платит деньги. Я вижу приписки, вижу завышение объёмов, вижу фиктивные накладные. В советской юридической практике это называется хищением. В греческой, я думаю, называется примерно так же.

Капетанакис поднял глаза.

— Я не буду делать вид, что ничего не вижу. И не буду делать вид, что мы можем это просто «обсудить». У меня есть документы. У меня есть фактические замеры, которые сделал мой коллега — инженер. У меня есть финансовый анализ, который сделала моя коллега. Всё это пойдёт в отчёт. Вопрос — какой.

— Какой? — переспросил Капетанакис. Голос был уже не ровный.

— Это зависит от вас.

В комнате повисла долгая пауза.

— Если мы зафиксируем перерасход как хищение и на-

правим материалы в официальную инстанцию через торговое представительство, через греческое министерство, через прокуратуру, вам придется отвечать. Сроки вы знаете лучше меня. В Греции за финансовые махинации с государственными контрактами наказание — от пяти до двадцати лет. Вы это тоже знаете.

Капетанакис побледнел. Руки на столе застыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.